

ЗАГАДКА МАУЭРСКОГО ОЗЕРА

Фант. рассказ В. ЯЗВИЦКОГО

Иллюстр. худ. В. АЛЕКСАНДРОВСКОГО

ПРИДЯ домой, я разжег примус и улегся на диване. Усталый после службы и томимый жаждой после ресторанный обеда, я слегка дремал в ожидании чая. Вдруг раздался резкий стук в дверь. Прежде чем я успел сказать «войдите», ко мне влетел сильно взволнованный Рихард. Он торжественно потрясал «Красной Газетой» и совал ее мне в нос. Озадаченный таким внезапным натиском, и некоторое время ничего не мог понять из его отрывочных восклицаний.

— Успокойся, Рихард, — сказал я с легкой тревогой, — и говори толком. Когда ты волнуешься, твой немецкий акцент портит все дело. Я слушаю.

Рихард вместо ответа бросил мне газету и буркнул только:

— Читай!

Взяв газету, я взглянул на подчеркнутое красным карандашом место. Там жирным шрифтом было напечатано: «Ультра-магнит П. Л. Капицы».

Я быстро пробежал статью, где говорилось, что наш молодой ученый, работая у знаменитого профессора Резерфорда в Кембридже, сконструировал «прерывательное устройство, открывающее доступ току в обмотку электромагнита на сотую долю секунды». «Ввиду этого, — говорилось дальше, — стотысячноамперные токи не только не сожгут и не испепелят обмотку и сердечник электромагнита, но не окажут на них никакого теплового влияния.

— Ничего не понимаю, — сказал я. — Все это интересно, но почему ты так взволнован?

— Читай дальше, — потребовал с нетерпеливой настойчивостью Рихард. — Вот тут.

Он пропустил несколько строк, ткнул пальцем в текст, но потом схватил газету и сам громко прочел:

— «Пользуясь колоссальным трансформаторным устройством, дающим ток силой до 65 тыс. ампер, ему удалось создавать в течение одной сотой секунды магнитное поле напряжением до 490 тыс. гауссов!» Понял?

— Понял, — ответил я. — Хотя сказано не совсем грамотно, но все же понятно.

— Почти полмиллиона гауссов! — крикнул он и, торжественно помахав газетой, с видом победителя сел на стул.

Я пожал плечами и молча стал наблюдать за своим приятелем. Он нервно достал папиросу и закурил. Это, видимо, успокоило его.

— Ну, что скажешь, старина? — спросил он, улынувшись. — Напряжение до полмиллиона гауссов!

Я улынулся в свою очередь.

— Конечно, это блестящее достижение в научной технике. Но почему это так волнует тебя? Я никогда не предполагал, что ты так увлекаешься физико-техническими вопросами.

Рихард снова засуетился и крепко схватил меня за руки. — Ты слышал о странном случае с одним из наших полков в Восточной Пруссии? — спросил он значительно. — Нет? Это было, когда русские в прошлую войну наступали на Кенигсберг.

— Ничего не понимаю, — сказал я с недоумением. — Что общего между работами Капицы и каким-то полком? Знаешь, ты что-то вообще... У тебя нет лихорадки?

Рихард рассмеялся и сказал, стукнув себя пальцем по лбу:

— Ты думаешь, в этой коробке не совсем ладно? Успокойся, там ничего не попорчено. Меня взволновало не открытие Капицы, а совсем другое. Выслушай внимательно то, что я расскажу тебе. Мне кажется, я сам сделал любопытное открытие.

Я недоверчиво посмотрел на Рихарда, но приготовился слушать. Отвернул винт у примуса и прекратил его неистовый шум. Налил чаю.

— Вот тебе вместо сахарного сиропа, как полагается ораторам, — сказал я, подавая стакан. — Я слушаю.

— Так вот, — начал Рихард, размешивая сахар, — эта статейка в «Красной Газете» неожиданно бросила свет на событие, в расследовании которого я принимал участие.

Тебе ведь известно, что я прежде, чем стать красным фронтовиком, попасть в тюрьму и потом бежать из-под ареста в Москву, служил в армии кайзера. Я только-что окончил топографическую школу, когда был объявлен призыв моего года. Я был взят на военную службу, отправлен в военную школу и как раз к войне был выпущен оттуда в чине резервного лейтенанта. Этот чин у нас дают только в военное время. Как топографа по специальности, меня прикомандировали к одному из штабов армии, действовавшей в Восточной Пруссии. Вот там и случилось это странное дело — исчез гвардейский полк. Полк этот в начале русского наступления был сильно потрепан генералом Самсоновым. Все же, будучи почти отрезанным и имея в своем составе не больше двух батальонов, полк ускользнул от неприятеля. Мы даже имели о нем некоторые сведения и знали, что он где-то лавирует среди так называемых Мазурских озер и болот.

Когда же царская армия была разгромлена и уничтожена, то упомянутого гвардейского полка нигде не оказалось. Он исчез бесследно.

Главное командование дало распоряжение произвести самое тщательное расследование.

Я попал в состав комиссии, которой было приказано во что бы то ни стало отыскать пропавший полк. С большим трудом из отрывочных и сбивчивых показаний людей, мало знакомых с географической картой Восточной Пруссии, мы все же установили

Лодка над водой поднялась...

следующее. Русские имели последнее соприкосновение с исчезнувшим полком где-то в окрестностях Шпирдингского озера, которое почему-то многие из них называли «Большим Мазурским озером». Местное же население дало сведения, из которых следовало, что последний раз полк видели около Лётцена.

Наша комиссия разделилась. Капитан Гитциг отправился в Зенебург, чтобы обследовать окрестности Шпирдингского озера. Мне было велено ехать в Лётцен, что на берегу Мауэрского озера.

Я не знаю, что делало мое начальство в лице капитана Гитцига, но я, расспросив в Лётцене кого только можно было, решил объехать верхом восточный берег Мауэрского озера по направлению к Ангербургу. Должен признаться, что эта поездка была скорее порывом вдохновения, чем серьезно продуманным планом. Впрочем, тут были и некоторые основания. Меня туда толкали неясные слухи о какой-то пушке, воткнутой или врытой дулом вниз на берегу озера, и о том, что там находили будто бы каски, принадлежавшие гвардейскому полку. Конечно, всего этого было еще слишком мало, так как каски могли быть потеряны и в других местах, где проходил полк. Это еще не доказывало, что полк, вернее его остатки, находился именно там. Но, так как у меня никакой другой информации не было, то мы сели на лошадей и поехали. Я говорю «мы», потому что нас было трое: я, фельдфебель и мой ординарец.

По мере приближения к Ангербургу, мы все больше и больше увязали в какой-то фантастике. Казалось, местные жители задались целью нас мистифицировать. Нам рассказывали о каких-то странных ветрах, при которых все предметы теряли вес; говорили о каком-то пане Тадеуше, засевшем среди болот и озер, и еще чорт знает о чем, но только не о пропавшем полке. Скоро вся эта болтовня перестала нас забавлять, и я раскисал в своем скороспелом решении скакать вокруг озера.

Погода, старина, стояла самая гнусная. Дожди, туманы—туманы, дожди! Брр! Вообще Восточная Пруссия, с ее болотами и песчаными бесплодными полосами среди возделанных полей, скучна и однообразна. Тоскливыми казались ровные цепи холмов, маячившие у горизонта, и тусклые свинцовые воды озера.

В один из таких сереньких деньков мы, забрызганные с ног до головы грязью, проехали десятка два километров, нигде не встретив и признака жилья. Только когда совсем стемнело, мы заметили огонек рыбацкой хаты и решили там заночевать. Хозяин лачуги нас приветствовал на том скверном немецком языке, на котором говорят местные латыши и литовцы. Примерно так, как я говорю по-русски, старина! Но потом я как будто убедился, что это был поляк или кашуба. Впрочем, я не силен в этнографии, к тому же мы все тогда чертовски устали, хотели есть и спать.

Нас поместили среди груды новых неводов.

Я не буду останавливаться на подробностях, только замечу, что поужинали мы отлично. Угостили и кашуба. Парень пил не хуже нас и заметно делался добродушней. Укладываясь уже спать, мы перекинулись несколькими ленивыми фразами.

— Ну, и забрались мы к чертям на кулички, — сказал я. — Кажется, дальше, чем пресловутый пан Тадеуш...

Эта фраза взволновала рыбака. Он внимательно оглядел нас и спросил меня:

— А вы знали, господин лейтенант, пана Тадеуша?

— Как же, — засмеялся я, — из-за него только сюда и приехали.

Тогда кашуб стал уверять, что пан Тадеуш не иначе как колдун, что он жил на противоположном берегу озера но после одного крупного боя наших с русскими исчез бесследно.

— Так же, как гвардейский полк, — шутливо сказал кто-то из моих спутников.

Кашуб вздрогнул и пробормотал:

— Да... Это было страшно... Я видел...

Я приподнялся и крикнул:

— Что ты видел?

— Я видел, как исчез полк.

Мы переглянулись между собою, ничего не понимая.

— Когда же и где исчезал этот полк?

— Когда еще был пан Тадеуш и пускал легкие ветры.

Мы подумали в первую минуту, что кашуб смеется над нами, но он был серьезен.

— Что это за легкие ветры? — спросил я.

— Вы же знаете пана Тадеуша, — ответил кашуб, — он их и пускал. В первый раз я чуть было не утонул из-за этого проклятого колдовства. Хорошо, что я был на лодке. Не будь я на лодке, потонул бы непременно. Кто попал в озеро или болото, тот уже не выплывет...

— Хорошо, — перебил я кетерпеливо, — но как же это все случилось?

— Так вот, — продолжал кашуб, — плыл я с неводом. Вдруг подул легкий ветер. Чую, тяжести во мне не стало, и невод не тянет, будто его нет. Дернул я за веревку — невод из воды весь выскочил вверх и повис в воздухе. И рыбы штук двадцать в нем бьется. Глянул вниз, а лодка вот на столько над водой поднялась... Не успел я опомниться, как все прекратилось. Лодка в воду шлепнулась так, что брызги полетели во все стороны, а невод с рыбой на меня упал. Тут я, как не в своем уме, давай грести к берегу. Лодку привязал, дрожу, весь мокрый... Собрал кое-как рыбу, да в хату. Трое суток просидел в хате, боялся выходить. Не знал я тогда, что это за штука, а потом понял, что это легкие ветры пана Тадеуша. Он там, по ту сторону озера жил. По ночам у него белые огни горели, светло, как днем, было...

— Ну, ладно, этот Тадеуш верно был инженером, а на том берегу торф добывали.

— Да нет же, — возразил кашуб, — он пускал легкие ветры. Торфа там не брали. Вскоре потом в избе со мной случилось... Вдруг почувал я легкость во всем теле, и пришло мне в голову привскочить, Ну, понятно, меня вверх бросило. Стукнулся я слегка теменем в потолок, потом вниз, ногами в пол толкнулся, потом опять вверх. Таким манером, как мячик, вверх и вниз раз пяток метнулся и растянулся на полу. Легкость сразу исчезла. Очень этого всего я боялся первое время. Потом привык. Всегда настороже был: чуть пойдет в воздухе веянье, сейчас хватаюсь за кусты, либо за что другое, и жду, пока ветры пройдут.

— Что же, они сильные были и долго дули? — спросил я.

— Когда как, но больше, как до десяти, досчитать не удавалось. Ничего, я привык, только боязно было, что может унести: чем дальше, ветер сильнее делался и все тянул вверх. Лодки, и те из воды подымал. Того и гляди, о берег ударит и разобьет. Только этого не было, все в воду падало. Одна лишь боком упала и затонула. Ну, я ее за веревку легко вытянул...

— Довольно, — сказал я, выслушав эту небылицу. — Теперь я знаю о легких ветрах и о пане Тадеуше. Расскажи нам лучше о полке.

— Он исчез.

— Мы это знаем. Но когда и куда он исчез?

— Да я же сказал, когда дули ветры. Вот утром пойдете, так увидите ихнюю пушку...

— Какую пушку? — вскрикнул я от удивления, вспомнив, что нам об этой пушке твердили еще в Лётцене.

— Гляжу, с неба падает войско...

Я поглядел на своих товарищей и заметил что-то странное, мелькнувшее на их лицах.

— Большую, — ответил рыбак. — Она воткнулась в землю и стоит торчком. Завтра покажу вам.

Я не знал, что думать обо всем этом. То, что болтал кашуб о легких ветрах, мне казалось просто досужей фантазией. Но пушка начинала меня тревожить. Мне казалось, что мысли мои путаются от усталости и от коньяка, которого я хватил чуть-чуть больше, чем следовало. Не желая себя ставить в смешное положение перед подчиненными, я сделал вид, что все понимаю.

— Хорошо, — обратился я к кашубу. — Ну, а как же исчез полк? Может быть, ты видел и каски?

Рыбак потянулся под лавку, вытащил из-под сложенных там мешков солдатскую каску и подал мне. Сердце у меня забилось толчками — это была каска того самого гвардейского полка, который пропал без вести. Эти каски мы вскоре потом заменили защитными, но в первые недели войны головные уборы наших войск были еще «образца мирного времени».

— Где ты взял эту каску? — спросил я.

— На берегу, когда исчез полк.

— Ну, рассказывай, как это случилось.

Я велел фельдфебелю записывать показание и приготовился слушать. Запись несколько смутила кашуба, но мы его успокоили, подкрепив бодрость духа коньяком.

— Пошел я как-то утром, — начал он, — смотреть верши. Только дошел я до мостков, вдруг повеяло... Я вцепился в мостки и лег. Думаю, пережду. А ветер сильнее да сильнее, прямо в бурю разыгрывается, и все вверх тянет. Шапку сорвало, только и видел ее. Пополз я ближе к берегу, поймал конец веревки от причала и привязал к поясу. «Так-то вернее» — думаю, а самому курить захотелось. Освободил я руки, а меня как сдует, будто перо, — и вверх! И повис я в воздухе. А ветер так и бошует, да как-то снизу вверх, боюсь уж, что с веревки сорвет...

Кашуб вздохнул.

— Страшное потом вышло, — продолжал он. — Висел-то я всего на метр высоты, а потому без труда притянулся к земле и схватился за самый причал. Вдруг вижу — что-то летит вверх. Вгляделся, и с испугу чуть причал не выпустил. Надо мной кучей летели солдаты, пушки, ружья, лошади, повозки... Летели стоймя, лёжа, вверх ногами, боком. «Проклятый колдун, — подумал я, — что он делает с нашим войском!..» В этот самый момент вернулась ко мне тяжесть, я стал на ноги и тотчас же услышал на озере удары по воде, будто кто-то доской хлопал... Гляжу — с неба падает войско. Вода кипела, плескала, люди кричали, лошади ржали, как дикие. Страх такой, что сказать нельзя! Все это на самой середине озера. Люди барахтались, хватались друг за друга, тонули... Я стоял, как ошумелый, и дрожал всем телом. Когда я бросился к лодке и стал ее отвязывать, на воде еще держалось несколько человек. Это было почти за километр от меня, и пока я выехал из залива, они потонули. Один только еще бился в воде и немного плыл, но когда я поравнялся с ним и хотел его схватить, он пошел ко дну у самого борта. В полной аммуниции были, где тут плавать...

★

— Вот, старина, — обратился ко мне Рихард, — что я узнал в рыбацкой избушке. Я вижу, ты глядишь с недоверием. Это не беда. Я столько уже видел недоверия, что сам почти перестал верить слышанному. Помню, когда я доложил обо всем капитану Гитцигу, он ласково потрепал меня по плечу и сказал с улыбкой:

— Оставьте этот доклад себе на память. После войны вы из него можете сделать фантастический рассказ. А сейчас лучше забудьте о нем. Мне же подайте другой рапорт, какой я смог бы дать прочесть здравомыслящим людям.

Рихард замолчал и налил себе второй стакан чаю.

— Слушай, дружище, — сказал я с улыбкой, — ты не сочинил всей этой истории? Может быть ты действительно придумал фантастический рассказ и проверяешь на мне, удачно ли он выдуман? И причём тут электромагнит Капицы, которым ты начал свое странное повествование?

Рихард рассердился и вскочил с места.

— Как причём? — воскликнул он. — Да ведь эта заметка в «Красной Газете» мне все и напомнила. Ультрамагнит, так сказать, дал ключ ко всему. Я уверен теперь, что инженер Тадеуш делал что-то вроде того, чего достиг сейчас Капица.

— Ну, ну! — заметил я. — Таких вещей в секрете не удержишь. Тогда же, в военное время, его опыты около Мауэрского озера могли грозить ему если не виселицей, то каторгой... Наконец, куда же он мог деться?

Рихард прошелся по комнате.

— Я там был, — произнес он значительно.

— Ну да, ты об этом рассказывал.

— Там, где жил пан Тадеуш, — подчеркнул Рихард, — я там был через год после войны и видел странные вещи. Теперь я понимаю, что там делалось. На месте жилища Тадеуша я нашел развалины. Туда попало несколько бризантных снарядов. Кругом были огромные воронки. Среди груд щебня, мусора и лома я наткнулся на части газовых и электрических моторов, видел колоссальные катушки изолированной проволоки, изорванные и растрепанные. Там лежал гигантский электромагнит, о чем я догадался по обмотке. Были там еще какие-то странные машины и приборы разбитые, поломанные и спутанные с хаосом всевозможных обломков и обрывков. Там же я нашел в разных местах три человеческих скелета. Один был без головы и без рук. Другой — совершенно целый, но у него нехватало поясницы. Третий скелет я нашел раздавленным под электромагнитом.

Я поспешил сообщить об этом ближайшим властям. Там мне сказали, что примут меры, так как давно имеется заявление об исчезновении инженера Тадеуша.

— Это был большой фантазер, — добавил начальник местной полиции, — он добывал какие-то особые магнитные токи. Судя по вашим словам, он погиб во время боев с русскими.

Тогда я уехал из Восточной Пруссии, убедившись в полной достоверности рассказа рыбака-кашуба, но до сих пор молчал, боясь всякого рода насмешек. Даже тебе не говорил ничего. Я много думал об этом, и мне теперь ясно, что инженер Тадеуш особыми электромагнитными токами сверхмощного напряжения уничтожал притяжение земли, то есть уничтожал тяжесть.

— Хорошо, — возразил я, — но если уничтожить тяжесть на каком-либо участке земного шара, то ведь улетит и воздух?

— Что же, — ответил Рихард, — оно так и было. Столб воздуха на известной площади терял вес. Соседние слои воздуха, стремясь установить равновесие, вытесняли невесомый воздух, отчего вначале получалось «веянье», а потом дули ветры. Так как пан Тадеуш прерывал тяготение к центру земли на ничтожном сравнительно пространстве и всего на несколько минут, то никаких стихийных катастроф не происходило. Погибли только остатки полка, приблизительно при таких же условиях, как это бывает во время ужасных ураганов в Америке. Только здесь, вместо силы ветра, играла огромную роль утрата тяжести.

Рихард вскоре ушел, но я все еще думал о его странном рассказе. Действительно, если бы найден был способ нейтрализовать силу тяжести, то могло ли бы произойти нечто подобное тому, что рассказано? А, может быть, именно это и произошло, как утверждает никому неизвестный кашуб и мой приятель Рихард...

Я видел колоссальные катушки...